



УДК 159.923.2

**ПОЭТИКА АПОКАЛИПСИСА В КУЛЬТУРОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ  
РОССИИ ПОРЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ  
(1917-1918 ГГ.)**

**POETICS OF APOCALYPSE IN CULTURAL JOURNALISM IN RUSSIA IN POST-  
REVOLUTIONARY PERIOD (1917-1918)**

**А. Ш. Бик-Булатов  
A. S. Bik-Bulatov**

*Казанский федеральный университет, Россия, 420000, г. Казань, ул. Кремлёвская, 35*

*Kazan Federal University, 35, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420000, Russia*

*E-mail: aiaibikbik@mail.ru*

*Ключевые слова:* Апокалипсис, нигилизм, публицистика, культурная революция, 1917 г.  
*Keywords:* Apocalypse, nihilism, publicism, cultural revolution, 1917.

*Аннотация.* В статье рассматриваются основные мотивы и тенденции культурософской публицистики в России в 1917-1918 году, центральным вопросом для которой был вопрос о культурной революции, образно и поэтически воплощенный в метафоре «апокалипсиса», одной из наиболее частых в работах многих авторов того времени, впрочем получившей у каждого из публицистов собственную разработку. Ставится вопрос о существовании т.н. поэтики апокалипсиса, как важной характеристики публицистики этого времени.

*Resume.* The article reviews the main motives and tendencies of Cultural journalism in Russia in 1917-1918, in which the central issue was the question about the cultural revolution, vividly and poetically embodied on the metaphor of «apocalypse», one of the most common in the works of many authors in that time. In the report, we hold the idea; poetics of apocalypse is a very important characteristic of Russian journalism in 1917-1918.

Между Февралем и Октябрем 1917 г. в организации культурной сферы в России происходили важные изменения. Упомянем здесь и создание комиссии по сохранению культурного наследия, объединившей в своих рядах представителей разных политических и профессиональных сил; начало реформы русского правописания (лето-осень 1917 г.); активизировалась работа над проектом педагогической реформы; шли дискуссии о методах воспитания, о специфике учительской профессии, о трудовой школе, об автономии и децентрализации образования. В июле состоялось совещание деятелей Всероссийского Союза городов на тему «Организации народного образования в городах». В сентябре было организовано движение «пролеткульта».

1917 год стал периодом для острых культурософских дискуссий в отечественной публицистике. Культурософская публицистика достаточно недавно выделена теоретиками журнализма в отдельную жанрово-типологическую подгруппу, хотя традиции здесь у нас довольно велики. Мы воспользуемся концептуализацией, предложенной известным воронежским профессором Виктором Хорольским: «На рубеже 19-20 вв. в европейских странах динамично развивалась так называемая “культурософская публицистика”, ставшая важной составной частью общественной жизни, в частности – журналистики. Признаками данного вида публицистики следует считать такие черты, как: а) масштабность размышлений о судьбах национальных культур и всей мировой цивилизации; б) культурософская ориентация авторов (как правило, деятелей культуры); в) образно-эмоциональный, “лирический” стиль повествования (в большинстве случаев – «мифологизация» и «символизация», как доминанты стиля); г) апелляция к глубинно-традиционным («архетипичным») формам коммуникации, суггестивность авторского слова»<sup>20</sup>.

<sup>20</sup> Хорольский В. Культурологический метод изучения публицистического дискурса (на примере статей А. Блока, У.Б. Иейтса, О. Уайльда) [Электронный ресурс] // Relga, № 6 [60] 23.03.2001. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=796&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 28.06.2015). Общегуманитарная концептуализация термина «культурософия» содержится в



Ситуация 1917 года, безусловно, создавала условия для развития культурософской публицистики в России. В основном, публицистический дискурс, сложившийся вокруг произведений этой группы был пронизан ощущением апокалипсиса. Особенно это касается произведений послеоктябрьского периода, когда наблюдается всплеск подобной литературы – где соединяются элементы традиционной публицистики и лирического дневника, с мифологизацией в качестве стилиевой доминанты.

Это видно даже по названиям основных пореволюционных произведений этой группы: «Окаянные дни» (И. Бунин), «Взвихрённая Русь», «Слово о погибели земли Русской», (А. Ремизов) «Россия распятая» (М. Волошин), Солнце мёртвых (И. Шмелёв), «Апокалипсис нашего времени» (В. Розанов), «Агония» (С. Булгаков) и другие<sup>21</sup>.

Этот дискурс начал оформляться ещё до Октябрьской революции. Из перечисленных здесь работ к этому периоду относится «Слово о погибели земли русской» А.М. Ремизова (август – 5 октября 1917). Безусловно, важнейшими в этой связи сделаются статьи А.М. Горького из цикла «Несвоевременные мысли» (апрель 1917 – июль 1918).

Уже в Ремизовском дооктябрьском «Слове о погибели...» читаем мы совершенно апокалиптические прозрения о судьбе России: «Я не раз отрекался от тебя в былые дни. В отчаянии проклинал тебя за крамолу и неправду твою. Я не русский, нет правды на русской земле! Но теперь – нет, я не оставляю тебя и в грехе твоём, и в беде твоей, вольную и полонённую, свободную и связанную, святую и грешную, светлую и тёмную. И мне ли оставить тебя – я русский, сын русского, я из самых недр твоих... За какой грех или за какую смертную вину тебя посетил гнев Божий?.. Русский народ, что ты сделал? Искал своё счастье... Одураченный, плюхнулся свиньёй в навоз. Поверил. Кому ты поверил? Ну, пеняй теперь на себя, расплачивайся... Где Россия твоя? Пусто место... И где совесть твоя, где мудрость, где крест твой?.. Ободранный и немой стою в пустыне, где была когда-то Россия... Всё, что у меня было, всё растащили... Что мне нужно? – Не знаю. Ничего мне не надо. И жить незачем... Хочу неволи вместо свободы, хочу рабства вместо братства, хочу уз вместо насилия. Опостылела бездельность людская, похвальба, залётное пустое слово. Скорбь моя беспредельная... И нет спасения свыше... И свилось небо, как свиток. И нету Бога... Чёрная бездна разверзлась вверх и вниз... И чем громче кричит человек, тем страшнее ему»<sup>22</sup>.

Приведём и другие варианты конструируемого публицистами «апокалипсиса» 1917 года, апокалипсиса, выражаемого метафорой «конца России», и даже «конца Святой Руси», апеллирующей к глубинным религиозным корням русского национального мирозерцания. Такой способ выражения авторского ощущения революционных событий 1917 года позволяет говорить нам о складывающейся в это время своеобразной поэтике апокалипсиса, присущей ряду публицистов. Итак, перейдём к примерам.

В. Розанов (конец 1917 г.): «Ну что же: пришла смерть, и, значит, пришло время смерти. Смерть, могила для 1/6 части земной суши. “Простое этнографическое существование для бывшего Русского Царства и империи”, о котором уже поговаривают, читают лекции, о котором могут думать, с которым, в сущности, мирятся. Какие-то “полабские славяне”, в которых преобразуется бывшая Русь. “Бывшая Русь”... Как это выговорить? А уже выговаривается. Печаль не в смерти. “Человек умирает не когда он созрел, а когда он доспел”. Т. е. когда жизненные соки его пришли к состоянию, при котором смерть становится необходима и неизбежна. Если нет смерти человека “без воли Божией”, то как мы могли бы допустить, могли бы подумать, что может настать смерть народная, царственная “без воли Божией”? И в этом весь вопрос. Значит, Бог не захотел более быть Руси. Он гонит ее из-под солнца. “Уйдите, ненужные люди”. Почему мы “ненужные”?... Собственно, отчего мы умираем? Нет, в самом деле, – как выразить в одном слове, собрать в одну точку? Мы умираем от единственной и основательной причины: неуважения себя. Мы, собственно, самоубиваемся. Не столько “солнышко нас гонит”, сколько мы сами гоним себя. “Уйди ты, черт”. Нигилизм... Это и есть нигилизм, – имя, которым давно окрестил себя русский человек, или, вернее, – имя, в которое он раскрестился.

– Ты кто? блуждающий в подсолнечной?

– Я нигилист»<sup>23</sup>.

статья: Яковенко И.Г., Пелипенко А.А. Культурософия: категории и понятия // Философские исследования. – 1994. – №1. – С. 199-209.

<sup>21</sup> Упомянем в этой связи ещё «Петербургский дневник» З. Гиппиус, а также сборники статей, продолжающие традицию «Вех» – «Из глубины» (1918), и «Освальд Шпенглер и закат Европы» (1921).

<sup>22</sup> См.: Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т.5. Взвихрённая Русь. – М.: Русская книга, 2000. – С. 404-410.

<sup>23</sup> Розанов В.В. Собрание Сочинений. Т.12. Апокалипсис нашего времени. – М.: Республика, 2000. – С.8.



Н. Бердяев (1918 г., «Духи русской революции», сборник «Из глубины»): «Русский же – апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе. Русский случай – самый крайний и самый трудный. Француз и немец могут создавать культуру, ибо культуру можно создавать догматически и скептически, можно создавать ее мистически и критически. Но трудно, очень трудно создавать культуру апокалиптически и нигилистически. Культура может иметь под собой глубину, догматическую и мистическую, но она предполагает, что за серединой жизненного процесса признается какая-то ценность, что значение имеет не только абсолютное, но и относительное.

Апокалиптическое и нигилистическое самочувствие свергает всю середину жизненного процесса, все исторические ступени, не хочет знать никаких ценностей культуры, оно устремляет к концу, к пределу. Эти противоположности легко переходят друг в друга. Апокалиптичность легко переходит в нигилизм, может оказаться нигилистической по отношению к величайшим ценностям земной исторической жизни, ко всей культуре. Нигилизм же неуловимо может приобрести апокалиптическую окраску, может казаться требованием конца»<sup>24</sup>.

Апокалипсис, понимаемый либо по-ремизовски, как фатум, судьба, Гнев Божий на русский народ (за что? Ещё предстоит понять, за какие такие наши «поиски счастья»); либо, по-розановски: не Бог от нас, а мы от Бога – «расскрестились» в нигилисты, но и при таком варианте, возможно, это наше родовое, русское, ментальное, ибо (по Бердяеву), все мы «апокалиптики или нигилисты». И здесь уже вопрос о революции увязывается с вопросом о культуре, и вопросом о том, что же есть такое русский человек, в культурно-цивилизационном отношении.

Крушение старого мира – это и крушение прежнего культурного кода России, его первоосновы. И именно так эти события переживаются выдающимися публицистами того времени. Вот ещё один интересный пример такого рода из эссе «Агония»<sup>25</sup> другого бывшего «веховца» о. Сергия Булгакова: «Для меня революция именно и была катастрофой любви, унесшей из мира её предмет и опустошившей душу, ограбившей её... Я любил Царя, хотел Россию только с Царём, и без Царя Россия была для меня и не Россия. Первое движение души – даже подсознательное, настолько оно было глубоко, – когда революция свершилась и когда по-прежнему раздавались призывы: война до победного конца, было таково: но зачем же, к чему теперь и победа без Царя. Зачем же нам Царьград, когда нет Царя. Ведь для Царя приличествовал Царьград. Он был тот первосвященник, который мог войти в этот алтарь, он и только он один. И мысль о том, что в Царьград может войти Временное правительство с Керенским, Милюковым, была для меня так отвратительна, так смертельна, что я чувствовал в сердце холодную мертвящую пустоту. Я не был «монархистом» в политически-партийном смысле, ... но у меня было на душе так, как бывает, когда умирает самое близкое, дорогое существо после безнадежной, продолжительной болезни».

Сама революция понимается Булгаковым именно как результат движение тектонических плит, смена культурно-духовной сердцевины русской цивилизации, для которой, по его мнению, «царь» было главным мистическим символом и метафорой: «Я ничего не мог и не хотел любить как Царское самодержавие, Царя, как мистическую, священную государственную власть, и я обречён был видеть, как это теократия не удалась (выделено о. Сергием – А.Б.) в русской истории. И из неё уходит сама, обмирщившись, и оставляя своё место... интеллигентине».<sup>26</sup>

Тема «революции и культуры» станет для публицистики того времени важным отправным пунктом для постижения исторического цивилизационного слома, который произошёл в России в 1917 году. Уже дооктябрьская культурософская публицистика поставит эти важнейшие вопросы, над которыми русским мыслителям придется думать ещё не одно десятилетие.

В период апреля-октября 1917 года было несколько знаковых публикаций в этой связи. Цикл А.М. Горького «Несвоевременные мысли», опубликованный в «Новой жизни», вышедший в августе сборник «Скифы», статья А. Белого «Революция и культура» и некоторые другие.

Итак, центральным вопросом пореволюционной культурософской публицистики был

<sup>24</sup> Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи; Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С. 260.

<sup>25</sup> Самостоятельный поименованный фрагмент дневника «Пять лет: 1917 – 1922», подготовленный Булгаковым в 1923 году, но опубликованный лишь после его смерти, т.е. в 1940-е годы, в Париже.

<sup>26</sup> Христианский социализм (С.Н. Булгаков): споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. – С. 295, 296.



вопрос о «культурной революции», развёртывавшийся в нескольких плоскостях. С точки зрения А.М. Горького<sup>27</sup>, культурное (цивилизационное) возрождение нации должно было стать главным итогом революции. Цивилизационный гуманитарный тупик человечества эпохи капиталистических обществ стал главной предпосылкой краха, в т.ч. духовного краха русского самодержавия, как выразителя русской «азиатчины». И теперь, после февральской революции у российского общества появился исторический шанс начать движение к планетарной культуре. Вместо этого, русская революция, при деятельном участии большевиков, играющих на самых низменных инстинктах массы, скатывается в ещё более низкую, совершенно звероподобную и антикультурную стадию общественного устройства.

Другие публицисты выдвигали иные предпосылки и цели «культурной революции». В сентябре по инициативе Н.В. Луначарского проходит первая конференция культурно-просветительных организаций пролетариата, давшая начало т.н. Пролеткульту, и поставившая на повестку тему особой «пролетарской культуры» как главной революционной цели в культурной сфере.

Одним из главных идеологов пролеткульта сделался известный социал-демократ А.А. Богданов, также считавший, что именно в области культуры должна завершиться революция, но совсем по иным, нежели А.М. Горький, основаниям<sup>28</sup>. Предоктябрьскую тактику большевиков с позиций социально-культурных он оценивает отрицательно, но признаёт её вынужденный характер. Именно преодолеть негативные моменты политических решений, вызванных ходом революции, должна помочь пролетарская культура (культура, которая «стоит на точке зрения определённого класса: смотрит его глазами на мир, думает и чувствует именно так, как этому классу, по его социальной природе, свойственно»<sup>29</sup>).

А.А. Богданов – Н.В. Луначарскому: «Тут нет ничьей вины: всё это было неизбежно. Ваша безудержная демагогия – необходимое приспособление к задаче собирания солдатских масс; ваше культурное принижение – необходимый результат этого общения с солдатчиной при культурной слабости пролетариата... Идеал социализма? Тот, кто считает солдатское восстание началом его реализации, тот с рабочим социализмом объективно порвал... В России солдатско-коммунистическая революция есть нечто, скорее противоположное социалистической, нежели её приближающее. Демагогически-военная диктатура принципиально неустойчива: «сидеть на штыках» нельзя. Рабоче-солдатская партия должна распаться, едва ли мирно. Тогда новой рабочей партии – или тому, что от неё оставят солдатские штыки, – потребуется своя идеология, свои идеологи (прежние, если и уцелеют, не будут годиться, пройдя школу демагогии – диктатуры). Для этого будущего я и работаю. Надо, чтобы пролетарская культура перестала быть вопросом, о котором рассуждают словом. Надо выяснить её принципы, оформить её логику, чтобы всегда можно было решить: вот это она, а это нет»<sup>30</sup>.

По-своему откликались на проблему «человека новой культуры» публицисты либерального крыла. Весьма характерна статья «Товарищ и гражданин» кадета, а в будущем знаменитого лидера «сменовеховства», профессора Николай Устрялова, написанная в сентябре 1917 года. Новый, предлагаемый социалистами, ментальный положительный образ русского («товарищ») уводит нас от подлинно ценного гражданского мироощущения.

Н. Устрялов: «Мы не удовлетворились свободой и равенством. Мы захотели братства. Нам показалось мало хорошего государства. Мы захотели совершенного человеческого союза, «всемирного мира». Мы отказались от звания «граждан», чтобы стать «товарищами». <...> Мы

<sup>27</sup> В связи с ограниченностью объёма статьи и, в общем, достаточной исследованностью темы культуры в пореволюционной публицистике А.М. Горького, мы опустим подробный разбор воззрений «буревестника русской революции» в настоящей публикации. Скажем только, что основными источниками тут служит его знаменитый цикл «Несвоевременные мысли», статья «Две души», объявление об издании журнала «Летопись», «Письмо к читателям» и другие. Общие же выводы по взглядам А.М. Горького на интересующую нас проблему – приведены в тексте настоящего доклада.

<sup>28</sup> Здесь нужно сказать, что само определение культуры, которым оперировал А. Богданов отлично от горьковских представлений, по которым культура – лишь показатель общей цивилизованности, развитости, воспитанности членов социума. Для А. Богданова же, «культура, в её фундаментальном определении есть совокупность форм, объединяющих опыт, интегрирующих общество в культурно-историческую целостность»; «базовым основанием типа культуры является тип труда» (см.: Никитина Н.Н. Философия культуры русского позитивизма начала века. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С.7, 44.).

<sup>29</sup> Богданов А.А. Что такое пролетарская поэзия. Цит. по: Опыт неосознанного поражения: модели революционной культуры 20-х годов: Хрестоматия / Сост. Г.А. Бялая. – М.: РГГУ, 2001. – С.72.

<sup>30</sup> Цит. по: Опыт неосознанного поражения: модели революционной культуры 20-х годов: Хрестоматия / Сост. Г.А. Бялая. – М.: РГГУ, 2001. – С.69.



стояли внизу, на низшей ступеньке. Мы были подданными, рабами. Мы захотели стать не гражданами свободного государства, а сразу товарищами, братьями всемирного братства. И в результате остались рабами. Только взбунтовавшимися. Таков наш рок»<sup>31</sup>.

Ещё одним важным публицистическим источником 1917 года по проблеме культуры стал сборник «Скифы», составленный Р. Ивановым-Разумником. В каком-то смысле, здесь наблюдается полемика с Горьковской концепцией «двух душ», его предпочтения души западной, означающей культуру и цивилизацию, и осуждение второй «азиатской» души России.

«Скифы», напротив, приемлют и ту, и другую стороны русской ментальности, и даже утверждают их единство. В предисловии к первому, летнему, сборнику «Скифы» составители писали: «Ибо не эллин противостоит скифу, а мещанин – всесветный, «интернациональный», вечный. В подлинном «эллине» всегда есть святое безумие «скифа», а в стремительном «скифе» есть светлый и ясный ум «элина». Мещанин же – рядится в одежды Эллина, чтобы бороться со Скифом, но презирает обоих»; «И здесь – их вечная вражда, здесь – их «смертная борьба», борьба реакционности в разных масках, в маске «прогресса», в маске «социализма», в маске «христианства» – с революционной сущностью, с «волей до конца» во всех областях, во всех кругах жизни и творчества – в политике, в науке, в искусстве, в религии»<sup>32</sup>.

Естественно здесь вспоминается и хрестоматийное стихотворение А. Блока «Скифы» («Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы»), января 1918 года, опубликованное в эсерской газете «Знамя труда», где редактором литературного отдела служит всё тот же Р. Иванов-Разумник.

Основной заявляемой идеей сборника «Скифы» провозглашалась необходимость коренной переоценки многих, казавшихся незыблемыми прежде ценностей, начиная от узко-филологической проблематики и заканчивая вопросами жизни в самом обширном понимании. Таковая концепция манифестируется в «скифстве». Миссия «скифа» в том, что в протиборстве с буржуазностью мысли ему необходимо обладать абсолютно новым сочетанием качеств: священный безумием и, в то же время, светлым и ясным умом. Это-то и есть качества «нового человека».

Современный исследователь Владимир Фещенко подчёркивает, что «скифство» не было для участников первого сборника «наименованием для общих, бесспорно разделяемых всеми и каждым, творческих установок. Не являлось оно также ни политической программой, ни, с другой стороны, неким эзотерически исповедуемым тайным учением, хотя у некоторых сподвижников «скифства» обращение и к идеологическим, и к мистическим сферам на индивидуальном уровне вполне могло присутствовать. Имя «Скифы» стало обозначением некоторого живого сообщества, «тесного кружка родных по духу людей», в котором <...> объединяющим началом служила общая воля к преобразению мира посредством духовного опыта и преобразованием себя во славу мировой души»<sup>33</sup>.

Среди приглашённых Р. Ивановым-Разумником к участию в сборнике были А. Белый, А. Ремизов, А. Авраамов, Л. Шестов, Ф. Сологуб, Н. Клюев, С. Есенин, К. Петров-Водкин (последний выступал как оформитель сборников). В дальнейшем, в концептуализации идей «скифства» большую роль играли также поэты А. Блок, Вяч. Иванов, В. Хлебников, в произведениях которых выкристаллизовывались основные параметры скифского мифа – воинственный и жертвенный дух, духовный максимализм, стихия, смывающая все культурные ограничения во имя нового творческого очищения.

Главным идеологом и наибольшим вкладчиком (автором) в первый, лета 1917 года, сборник «Скифов» стал Андрей Белый. Впрочем, его материалы носили не публицистический характер (трактат о философии языка «Жезл Аарона», роман, а по определению самого А. Белого, симфоническая повесть «Котик Летаев»).

Наиболее же важные статьи Андрея Белого публикуются несколько позже, из них ключевое значение имеет вышедшая ещё до октябрьских событий статья «Революция и культура», которая по задумке автора должна была бы войти в так и неосуществлённую книгу «Кризис сознания», над которой А. Белый работал на протяжении 1916–1918 годов. Другие статьи их этого цикла – «Кризис жизни», «Кризис мысли», «Кризис культуры» позже вышли соответствующими брошюрами в 1918–1920-е годы.

<sup>31</sup> Устрялов. Н. Товарищ и гражданин // Народоправство. – 1917. – № 12. – С.17.

<sup>32</sup> Иванов-Разумник Р.И., Мстиславский (Масловский) С.Д. Скифы (вместо предисловия) // Семиотика и авангард (антология). – М.: Академический проект, 2006. – С. 372 – 375.

<sup>33</sup> Фещенко В.В. Внутренний опыт революции в русской поэтике) // Семиотика и авангард (антология). – М.: Академический проект, 2006. – С. 299.



В статье «Кризис жизни», написанной в форме дневника в 1916 году в Швейцарии, а опубликованной лишь в 1918 году, А. Белый указывает на основную точку тектонического разлома в сознании людей и мировой культуре, которая явственно обозначилась с началом первой мировой войны.

А. Белый: «Идеология материальной культуры, разлитая в мире, – подлинная причина войны; а война, – выражение внутренне скрытой болезни, глодавшей вселенную: нечто вроде лихорадочной сыпи, проступившей из крови – на коже; тут втиранием мази ничем не можешь; изменений крови – вот корень лечения; он – в перемене ритма пульсаций»; «Нас обстал кризис жизни: на перевале сознания подстерегают нас кризисы жизни; приложенья к техническим производствам культуры плотнят нашу мысль: не живая, она превратилась в абстракцию; материальное тело абстракции – машина. Машина восстала на нас: мир стал – мир материально-машинный: и чёрствый, и чувственный; чёрствая чувственность – роковой наш удел»<sup>34</sup>.

Взгляд на войну как проявление кризиса индустриального общества, а следовательно, индустриальной культуры – весьма характерен для публицистов околосимволистского и мистико-философского толка. Весьма похожие мысли о войне встречаем, например, в публичной лекции Н. Бердяева, прочитанной 1 ноября 1917 года, даже название этой лекции практически совпадает с бельевской: «Кризис искусства».

Н. Бердяев: «Нынешняя мировая война начата Германией, как война футуристическая. Футуризм из искусства перешел в жизнь и в жизни дал более грандиозные результаты, чем в искусстве. Футуристические приемы ведения войны были предписаны Германией всему миру. Нынешняя война – машинная война. Она – в значительной степени результат возрастающей власти машины в человеческой жизни. Это – война индустриальная, в ней машина заменяет человека. Военное могущество Германии, ныне устрашающее весь мир, есть прежде всего могущество индустриально-машинное, техническое. ... Вовлекается весь мир в военно-футуристический вихрь. И исконное варварство человечества, лежащее глубже всякой культуры, помогает выявлению этого жизненного футуризма. Но истоки мировой войны, имеющей такое футуристическое обличье, лежат глубже, в духовном плане, где она начинается и где кончается. По истине, в космической жизни совершается духовная война и идет борьба за величайшие ценности. И лишь духовной войной человечество и народы могут быть спасены для новой жизни. Материальная война есть лишь выявления духовной войны. И вся задача в том, чтобы в этом мировом вихре сохранились образ человека, образ народа и образ человечества для высшей творческой жизни»<sup>35</sup>.

В этой связи революция понимается А. Белым как некий очистительный акт, помогающий преодолеть ступор цивилизационного кризиса. И в первую очередь, должна произойти внутренняя революция, революция сознания и духа (А. Белый вводит даже специальный термин «инволюция»). В статье 1917 года «Революция и культура» он говорит о взаимочередовании эволюционной и революционной стадии культуры: «Цвет культуры – зеленый, и цвет революции – огненный. С точки зрения этой изорвана эволюция человечества революционными взрывами: то бежит раскаленная лава кровавым потоком по зеленеющим склонам вулкана, то по ним пробегает зеленая поросль культуры, скрывая остывшую, оземленевшую лаву; революционные взрывы сменяют волну эволюции; но их кроют покровы бегущих за ними культур; за зеленым покровом блистает кровавое пламя, и за пламенем этим опять зеленет листва; но зеленый цвет дополнителен красному»<sup>36</sup>.

Постановка А. Белым проблемы культуры во многом предвосхищает концепты, которые будут сформулированы западными культурологами лишь десятилетие спустя. Напомним, в 1920-е годы Г. Лукач в классической работе «История классового сознания» идею отчуждения, переосмысленную в духе Маркса, вводит в сферу культуры. Он говорит о категории «товарного фетишизма», который из частного случая экономической идеологии становится ключом к раскрытию столкновений и противоречий в обществе. Товарный подход превращает культурные продукты в исчисляемый потребительский предмет. Сфера мены/денег проникает во все сферы культуры. Он использует также концепцию калькуляции, предложенную Зимелем в его работе «Философия денег»: любой создаваемый продукт – не

<sup>34</sup> Андрей Белый (Бугаев Б.Н.) На перевале. Т.1. Кризис жизни. – Петроград: Алконост, 1918. – С.15; С.2.

<sup>35</sup> Бердяев Н.А. Кризис искусства (Публичная лекция, прочитанная в Москве 1 ноября 1917 г.) // Семиотика и авангард (антология). – М.: Академический проект, 2006. – С.368.

<sup>36</sup> Андрей Белый (Бугаев Б.Н.) Революция и культура // Семиотика и авангард (антология). – М.: Академический проект, 2006. – С. 346.



столько проявление индивидуального творящего духа, а некий креатив, с учётом горизонта его восприятия, продажи, потребления в эпоху, когда происходит фетишизация.

Эта проблема «произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (см. одноимённую работу Вальтера Беньямина) осознаётся А. Белым в 1917 году в свете революционных потрясений, и революцию («инволюцию» как революцию сознания и духа) он считает лекарством против индустриализации культуры.

А. Белый: «Материальное выражение его есть недолжное, временное уплотнение культуры; в нем искусство, культурный продукт, есть предмет потребления: товарная ценность, фетиш, идол, звонкие разменные деньги. Таковые продукты культуры, подобно подброшенным в воздухе грузам, остановившиеся, падают, как курок на пистон <...> Превращение культурной формирующей силы в продукт потребления превращает хлеб жизни в черствеющий, мертвенный камень; он куется в монету; и копится капитал. Видоизменяются формы культуры; наука приобретает технический, узкопрактический смысл; и гастрономией процветает эстетика: золотеющим отблеском солнца обогащают себя, как червонцами; и, как в шелка, облекаются нежные колориты зари; Неоформленность содержания революций порой угрожает культуре; обратно: насильственный штампель на ценностях и продуктах культуры, взгляд на них как на ходкий товар обладает магическим свойством, он становится прикосновением Мидаса; прикосновение Мидаса, гласит мифология, превращало предметы в куски неподвижных металлов; прикосновение грубой власти к культуре сжимает свободу течения жизни; в государственном капитализме культура – продукт; в революции искусство – процесс, не имеющий явственной, проявленной формы; здесь продукт и процесс противопоставлены; буйственно бьющая мощь противопоставлена дремлющей, тяжелеющей косности. <...> В механическом взгляде на жизнь революция – взрыв, обрывающий мертвую форму в бесформенный хаос; но ее выражение иное: скорее она есть давление силы роста, разрывание ростком семенной оболочкой, пророст материнского организма в таинственном акте рождения; революцию в таком случае с полным правом мы можем назвать инволюцией – воплощением духа в условия органической жизни»<sup>37</sup>.

Итак, в 1917 году в русской публицистике происходят различные дискурсивные оформления концепта «культурной революции», хронологические рамки этого дискурсивного поля определяются событиями первой мировой войны и течением русской революции 1917-1918 гг.

Подытоживая эту часть нашего сообщения, напомним ещё раз основные векторные линии в разработке концепта «культурная революция», развиваемые в публицистике названного периода, которые нам удалось выделить:

1. Культурная революция – конечная цель современного человечества, с момента цивилизационного излома, постигшего Европу с началом мировой войны. Политическая революция – лишь предтеча и первый этап к революции культурной, и именно культурное перерождение человечества как цель должно превалировать над всеми иными, в том числе политическими преобразованиями. Революционеры и политики должны переподчинить свою деятельность задачам культурного воспитания нации (ср.: М. Горький).

2. Революция, связанная с полным переделом социально-групповой, классовой палитры и иерархии в стране – неизбежно создаёт запрос на новую культуру. При этом само течение революции (её события) не позволяет родиться новой культуре и даже напротив, во многом враждебно ей, поэтому задача интеллигенции ответить на революционный запрос, создав соответствующую ей пролетарскую культуру (ср.: А. Богданов).

3. Создавая новую пролетарскую культуру, пролетарского человека – мы скорее делаем шаг назад, ибо отдаляемся от подлинно цивилизационных начал, от гражданского мироощущения и поведения, которого-то нам и не хватало для самосознания и действительной внутренней свободы, соединённой с ответственностью за судьбу страны. Именно эта ощущение собственной гражданской неполноценности – было одной из предпосылок революции, теперь же, в связи с попытками провозгласить особого «пролетарского человека», мы рискуем навсегда остаться внутренними рабами (ср.: Н. Устрялов).

4. Революция – это именно и прежде всего революция духа, эта законная стадия на смену эволюционной, как ответ на индустриальную (товарную) угрозу современной культуре. Революцию духа нужно приветствовать, и прежде всего она должна произойти в душах художников, творцов культуры, как главных делателей и трансляторов смыслов и ценностей

<sup>37</sup> Андрей Белый (Бугаев Б.Н.) Революция и культура // Семиотика и авангард (антология). – М.: Академический проект, 2006. – С. 346 – 350.



для любого общества. Внутреннюю революцию художников уместно назвать «инволюцией» и нынешний период как нельзя соответствует этой стадии (ср.: А. Белый).

Как видим, все эти концепции развёртывались так или иначе под приматом общего для многих публицистов ощущения крушения старого, и рождения нового мира, вызывавшего у авторов образы и представления об апокалиптичности переживаемого ими момента в России 1917 года. Можно говорить о поэтике апокалипсиса, выраженной как содержательно (см. в том числе в концепциях о культурной революции, приведённых выше), так и на уровне метафор и образного ряда (примеры из первой части настоящей статьи), говорить как о тенденции и характерной черте, определяющей в целом культурософскую публицистику России этого времени.

### Литература

1. Андрей Белый (Бугаев Б.Н.) На перевале. Т.1. Кризис жизни. – Петроград: Алконост, 1918.
2. Андрей Белый (Бугаев Б.Н.) Революция и культура // Семиотика и авангард (антология). – М.: Академический проект, 2006.
3. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи; Из глубины. – М.: Правда, 1991.
4. Бердяев Н.А. Кризис искусства (Публичная лекция, прочитанная в Москве 1 ноября 1917 г.) // Семиотика и авангард (антология). – М.: Академический проект, 2006.
5. Богданов А.А. Что такое пролетарская поэзия. Цит. по: Опыт неосознанного поражения: модели революционной культуры 20-х годов: Хрестоматия / Сост. Г.А. Бялая. – М.: РГГУ, 2001.
6. Иванов-Разумник Р.И., Мстиславский (Масловский) С.Д. Скифы (вместо предисловия) // Семиотика и авангард (антология). – М.: Академический проект, 2006.
7. Никитина Н.Н. Философия культуры русского позитивизма начала века. – М.: Аспект Пресс, 1996.
8. Опыт неосознанного поражения: модели революционной культуры 20-х годов: Хрестоматия / Сост. Г.А. Бялая. – М.: РГГУ, 2001.
9. Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т.5. Взвихрённая Русь. – М.: Русская книга, 2000.
10. Розанов В.В. Собрание сочинений. Т.12. Апокалипсис нашего времени. – М.: Республика, 2000.
11. Устрялов. Н. Товарищ и гражданин // Народоуправство. – 1917. – № 12.
12. Фещенко В.В. Внутренний опыт революции в русской поэтике // Семиотика и авангард (антология). – М.: Академический проект, 2006.
13. Хорольский В. Культурологический метод изучения публицистического дискурса (на примере статей А. Блока, У.Б. Иейтса, О. Уайльда) [Электронный ресурс] // Relga, № 6 [60] 23.03.2001. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=796&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 28.06.2015).
14. Христианский социализм (С.Н. Булгаков): споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991.